

*Материал подготовлен редакцией газеты "Левый поворот"
по разработкам Южного Бюро
Марксистской рабочей партии 1995-1997 годов
и впервые опубликован в газете "Левый поворот" в 1999 году
Перепечатан журналом "Марксист" №5 в 2000 году*

МАРКСИСТСКАЯ АНАТОМИЯ ОКТЯБРЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*За десятилетия советской власти мы
привыкли называть Великий Октябрь
социалистической революцией.
Но многое из того, к чему мы привыкли,
сегодня исчезло. Какова в таком случае
участь "титолов" Октябрьской революции?*

Классический научный марксизм утверждает, что первым актом социальной революции пролетариата станет овладение самим пролетарским классом политической властью в обществе. Согласно Марксу, капитализм от коммунизма отделяет период революционного превращения первого во второе. И этот период не может быть ничем иным, как периодом диктатуры пролетариата. Следовательно, если мы не видим такой классовой диктатуры, то, понятно, не приходится говорить и о преодолении капиталистических отношений. Причем стойко закрепившиеся названия и официальные вывески тут ничего не значат, - они могут оказаться просто заблуждением (как добросовестным, так и злонамеренным). Ведь, по убеждению того же Маркса, об эпохе, как и о человеке, нельзя судить на основании того, что они сами о себе думают. Да и каждый из нас уже достаточно убедился: как принадлежность к партии, называющей себя коммунистической, еще не означает коммунистических убеждений, так и тоска по красному флагу над административными зданиями отнюдь не свидетельствует о стремлении к новым социальным отношениям между людьми.

ВЛАСТЬ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИХ СОВЕТОВ ИЛИ ВЛАСТЬ РАБОЧИХ ФАБЗАВКОМОВ?

Россия, как известно, страна "с непредсказуемым прошлым". Возможно, поэтому сейчас нет единого мнения о том, когда же в России погибла диктатура пролетариата и была ли она вообще в нашей стране. На наш взгляд, диктатура пролетариата в России существовала. Но, во-первых, это была не диктатура пролетариата в "чистом виде", т.е. не *одноклассовая социалистическая* диктатура пролетариата, а "демократическая диктатура пролетариата", т.е. союз меньшинства рабочих и большинства бедных крестьян. Во-вторых, срок ее жизни ограничивается лишь несколькими месяцами.

Дело было так. 13(26) января 1918 года III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов слился с III-м съездом Советов рабочих и солдатских депутатов. К марту слияние произошло на местах. Таким образом, пролетариат, политическое господство которого, по идее, и должно обеспечить социалистические преобразования, под нажимом партии большевиков поделился властью с крестьянством.

Само же российское крестьянство к 1917 году не было, как известно, социально однородным. Значительная часть его – кулаки и середняки – все более ориентировали свои хозяйства на потребности рынка. Средняки, таким образом, о мелкобуржуазивались; кулаки же зачастую прямо вели затратное хозяйство, нанимали рабочую силу – батраков – и ее

эксплуатировали, то есть они представляли собой уже сельскую буржуазию. Институт традиционной крестьянской общины в большинстве местностей формально сохранялся, но выгоден он был больше не середнякам и, тем более, не кулакам – “мироодам”, а бедняцкой массе, которая составляла свыше 60 % всех крестьян. Законы развития капитализма, однако, превращали при этом многих бедняков в полупролетариев. Были на селе и настоящие пролетарии – сельхозрабочие, которые в общину не входили и батрачили на помещиков и кулаков вместе с бедняками.

Таким образом, слияние Советов рабочих и солдатских депутатов с общекрестьянскими советами уже означало отступление от “чистой” диктатуры пролетариата. Впрочем, ее “чистота” и до этого была весьма условной. Советы рабочих и солдатских депутатов состояли не только из рабочих. Ведь солдаты в основной своей массе – на 60 % - были вчерашними крестьянами: бедняками и середняками, одетыми в шинели и вооруженными царским правительством; фабрично-заводских рабочих среди солдат было менее 10 %.

Всеобщее вооружение народа, а не одного только передового класса – пролетариата, слияние двух типов Советов, а также двухпартийная коалиция большевиков и левых эсеров означали фактически переход к так называемой “старобольшевистской формуле” – *революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства*. А эта форма власти была шагом назад по сравнению с той, которая возникла после свершения Октябрьской революции. Тогда, как известно, власть перешла ко II-му съезду Советов рабочих и солдатских депутатов, т.е. на деле была введена “демократическая диктатура пролетариата”, хотя вождь большевиков В.И. Ленин говорил при этом о “рабочей и крестьянской революции” (ПСС, т.35, стр. 2) и “переходе власти на местах к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов” (там же, стр. 11).

Итак, первая попытка утверждения “демократической диктатуры пролетариата” ограничилась периодом с октября 1917 года по январь-февраль 1918 года, причем происходил неуклонный откат от позиций, завоеванных рабочим классом в октябре-ноябре. За это время, названное советскими историками “триумфальным шествием Советской власти”, произошло не только слияние рабочих и солдатских Советов с общекрестьянскими Советами. Еще более важным обстоятельством явился тот факт, что вместо того, чтобы укреплять и развивать систему *подлинно рабочих организаций - фабрично-заводских комитетов*, большевики, напротив, способствовали ее свертыванию. А ведь именно фабзавкомы могли стать подлинной основой Советской власти, если понимать под ней в перспективе настоящую, социалистическую диктатуру пролетариата. Иными словами, страной должны были бы управлять Советы фабзавкомов. Вместо этого уже в январе-феврале 1918 года на 1-м всероссийском съезде профсоюзов и 6-й конференции ФЗК Петрограда по инициативе большевиков было предпринято решение о слиянии фабзавкомов с профсоюзами. профсоюзы же переводились под контроль складывавшегося партийно-государственного аппарата, членство в них становилось обязательным для всех работающих не только на предприятиях, но и в учреждениях. Рабочий класс, однако, сопротивлялся такой государственной политике, и покончить с автономными фабзавкомами Советской власти удалось только к началу 1919 года.

Слияние рабочих и солдатских Советов с крестьянскими Советами, а фабзавкомов с огосударствляемыми профсоюзами было не единственным, что размывало пролетарскую составляющую Советского строя. Так, в ходе гражданской войны большевики отказались от своей же дооктябрьской идеи создать отдельно от крестьянских Советов Советы сельскохозяйственных рабочих – властные органы сельского пролетариата. Совхозы в бывших помещичьих имениях создавали, а Советы сельхозрабочих – нет. Правда, в марте 1919 года организуются профсоюзы.

Эти и многие другие факты говорят о том, что Великий Октябрь явился на самом деле не социалистической революцией, как предполагали большевики, а лишь вторым, кульминационным этапом буржуазно-демократической революции в России, одной из основных целей которой было решение земельного вопроса в пользу крестьянства. Несмотря на всю активность рабочего класса и пролетарскую *политическую* революцию в столицах, социалистической революции в октябре (ноябре) 1917 года в *капиталистически*

отсталой России не произошло. Карл Маркс предвидел возможность такой ситуации еще 1847 году. он писал: “Поэтому, если пролетариат и свергнет политическое господство буржуазии, его победа будет лишь кратковременной, будет лишь вспомогательным моментом в самой *буржуазной революции*, как это было в 1794 году (во Франции – ред.), - до тех пор, пока в ходе истории, в ее “движении” не создались еще материальные условия, которые делают *необходимым* уничтожение буржуазного способа производства...” (К.Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений, 2-е издание, т. 4, сс. 298-299).

Впрочем, сам В.И. Ленин призывал в 1920 г: “Особые условия, усложнившие и замедлившие борьбу победившего буржуазию пролетариата с крупным крестьянством в России, сводятся главным образом к тому, что русская революция после переворота 25.10./7.11. 1917 года проходила через стадию “общедемократической”, т.е. в основе своей буржуазно-демократической, борьбы всего крестьянства против помещиков; затем – к культурной и численной слабости городского пролетариата; наконец – к громадным расстояниям и крайне плохим путям сообщения” (В.И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, с. 176). А в 1921 году, уже после победы красных в гражданской войне и введения Новой экономической политики (НЭП), вождь большевиков, полагая, что “мы довели буржуазно-демократическую революцию *до конца*, как никто”, тем не менее оговаривался: “Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся *вперед*, к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, зная, что *только борьба* решит, насколько нам удастся (в последнем счете) продвинуться вперед, какую часть необъятно высокой задачи мы выполним, какую часть наших побед закрепим за собой. Поживем, увидим.” (там же, т. 44, с. 144-145).

Только летом 1918 года, после разрыва коалиции с левыми эсерами, большевики решились “перенести пролетарскую революцию в деревню”. С целью содействия проведению “продовольственной диктатуры” и организации продразверстки повсеместно создавались “комитеты бедноты” (комбеды), которые охватывали как сельских пролетариев и полупролетариев, так и мелких собственников. При этом большевики надеялись добиться нейтрального отношения середнячества к развертыванию классово-борьбы в деревне.

Такова была вторая (и последняя) попытка утверждения “демократической диктатуры пролетариата”. Но развитие вновь пошло по *нисходящей* линии: в то время как в городе шло свертывание деятельности фабзавкомов и переход реальной власти от Советов к исполкомам при них и ревкомам, а также комитетам РКП(б) разных уровней, на селе пытались действовать сразу и через крестьянские Советы и через комбеды. Комбеды, однако, раздражали середняков. Политика нейтрализации середнячества, тем более ввиду его постоянного численного роста, оказалось под угрозой. Переход же середнячества на сторону белых в гражданской войне был для большевиков равнозначен поражению. Все это стало настолько очевидным, что уже 8 ноября 1918 года В.И. Ленин, выступая на совещании делегатов комитетов бедноты центральных губерний, во всеуслышание заявил: “Центральный Комитет нашей партии выработал план преобразования комбедов, который пойдет на утверждение VI съезда Советов. Мы постановили, что комбеды и Советы в деревнях не должны существовать порознь. Иначе получится склока и лишнее словоговорение. Мы сольем комбеды с Советами, мы сделаем так, чтобы комбеды стали Советами” (ПСС, т. 37, с. 180-181). Последнее обещание не было выполнено – за “нейтрализацией середнячества” последовала политика “прочного союза с ним”, а затем и новая экономическая политика с ее возвратом к рыночным отношениям.

Таким образом, к началу 1919 года диктатура пролетариата в Советской России – даже в ее неразвитом, “демократическом”, виде – потерпела поражение; фабзавкомы и комбеды были упразднены, социалистическая перспектива Октябрьской революции внутри страны была окончательно утрачена. А через полгода потерпела поражение и пролетарская революция в Европе... Страна по существу вернулась к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Однако и ей осталось недолго существовать, ведь реальная власть была уже не у депутатов рабоче-крестьянских Советов, а у исполкомов и комитетов РКП(б). Советы все больше отделялись от трудовых коллективов, а в Советском аппарате стали нарастать бюрократические тенденции, с которыми большевики совершенно искренне призывали массы и самих себя бороться. Процесс этот зашел так далеко, что,

выступая на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 года, В.И. Ленин вынужден был констатировать: “Мы переняли старый государственный аппарат, и это было нашим несчастьем. Государственный аппарат очень часто работает против нас. Дело было так, что в 1917 году, после того, как мы захватили власть, государственный аппарат нас саботировал. Мы тогда очень испугались и попросили: “Пожалуйста, вернитесь к нам назад”. И вот они все вернулись, и это было нашим несчастьем. У нас имеются теперь огромные массы служащих, но у нас нет достаточно образованных сил, чтобы действительно распоряжаться ими. На деле очень часто случается, что здесь, наверху, где мы имеем государственную власть, аппарат кое-как функционирует, в то время, как внизу они самовольно распоряжаются и так распоряжаются, что очень часто работают против наших мероприятий. Наверху мы имеем, я не знаю сколько, но я думаю, во всяком случае, только несколько тысяч, максимум несколько десятков тысяч своих. Но внизу – сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих отчасти сознательно, отчасти бессознательно против нас” (ПСС, т. 45, с. 290).

Введение НЭПа в 1921 году в свою очередь стало логическим концом уже революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства: мелкобуржуазное крестьянство добилось своих рыночных целей, промышленный же пролетариат к тому времени полностью потерял свою организационную самостоятельность (особенно после введения большевиками единоначалия на предприятиях), кроме того, он еще и был “благодаря войне и отчаянному разорению и разрухе, деклассирован, т.е. выбит их своей классовой колеей” (В.И. Ленин. ПСС, т. 44, с. 161). Сама же Новая экономическая политика означала, по словам Ленина, “переход к восстановлению капитализма в значительной мере” (там же, с. 158-160). “Если капитализм восстановится, значит восстановится и класс пролетариата, занятого производством материальных ценностей”, - писал он (там же, с. 161). При этом, заявляя, что “поскольку разрушена крупная промышленность, поскольку фабрики и заводы стали, пролетариат исчез. он иногда числился, но он не был связан экономическими корнями”, вождь большевиков все же ориентировал своих соратников на то, что “пролетарская государственная власть окажется способной, опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежающей узде, чтобы направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчиненный государству и служащий ему” (там же, с. 161). Здесь ясно видна *специфика ленинизма*, требовавшего, начиная с Апрельских Тезисов 1917 г. “не только учета классов, *но учреждений*”. (ПСС, т. 31, с. 123).

Итак, если и есть смысл называть Советскую Россию “рабочим государством”, то лишь в считанные месяцы ее существования, да и то условно! После этого стоит ли удивляться, что развитие СССР закончилось восстановлением классических буржуазных отношений с их частной собственностью, “новой русской” буржуазией, жестокой эксплуатацией и массовой нищетой?

Сказанное вовсе не является обвинительным актом против большевиков. Они делали то, к чему их принуждали условия отсталой крестьянской страны. – Условия, усугубленные поражением социальной революции пролетариата на Западе. А ведь без этой революции и сами большевики при Ленине не мыслили построения в России социализма. И хотя даже ближайшая их цель – бестоварное социалистическое общество – не была достигнута, сделали большевики, конечно, много. За 70 советских лет Россия (СССР) пережила значительный скачок в развитии производительных сил. Но зачем же называть это *социализмом*? Индустриализация, вытеснение мелкого производства (в городе и, особенно, в деревне) крупнотоварным, повышение уровня культуры масс – все это процессы развития буржуазного общества. Не станем же мы называть Францию социалистической только потому, что в стране построено много заводов и правит “социалистическая партия”! Наоборот, социализм *подразумевает* еще до него сложившееся развитое индустриальное общество, как и власть класса рабочих. То, что в Советской России – СССР это общество лишь создавалось, а рабочий класс был отчужден от власти, показывает, как далека была страна от социализма.

РОССИЙСКИЕ МАРКСИСТЫ В РОЛИ СОЦИАЛ-ЯКОБИНЦЕВ

Изменения в системе Советов, конечно, не были ни случайностью, ни исключительным следствием чьих-либо ошибок. То, что социалистическая диктатура пролетариата в России не осуществилась, а “демократическая” потерпела поражение, было определено самим характером Октябрьской революции. а характер революции, оказывается, бывает *двойственным*.

В 1910 году вождь большевиков В.И. Ленин так говорил о понятии “завершение буржуазно-демократической революции”: “Если его употребляют в широком смысле, под ним разумеют решение объективных исторических задач буржуазной революции, “завершение” ее, т.е. устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение *всего цикла* буржуазных революций. В этом смысле, например, во Франции буржуазно-демократическая революция завершена была лишь 1871 годом, а начата в 1789 году.

Если же употребляют слово в узком смысле, то имеют в виду революцию отдельную, одну из буржуазных революций, одну из “волн”, если хотите, которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций. В этом смысле... революция 1789 года во Франции была “завершена”, скажем, в 1794 году, нисколько не устранив этим почвы для революций 1830, 1848 годов”. (ПСС, т. 19, с. 246-247)

Ставить вопрос о “широкой” и “узкой” революции лидера большевиков заставлял тогда явный буржуазно-демократический характер назревших в России преобразований. Сможет ли русская революция смахнуть все пережитки феодализма, выполнить программу “широкой” революции, стать завершающей “волной”, или за этой “волной” последуют и другие? Ленин постоянно задавался вопросом: “Суждена ли нам революция типа 1789, или типа 1848 года, или 1871?” (ПСС, т. 9, с. 380, т. 47, с. 223, с. 226). Он неоднократно сравнивал революционные события в России то с французской революцией 1848 года, то с революцией 1870 года и Парижской Коммуной 1871, также как и с Великой французской революцией. Делал он это и в 1917 году. Общий лейтмотив у него всегда был один: “Наше дело... толкать буржуазную революцию как можно дальше..” (ПСС, т. 9, с.381) “..мы обязаны, - писал Ленин, - исполнить свой долг руководителей демократического, “общедемократического”, движения до конца, до русского 1871 года, до полного поворота крестьянства на сторону “партии порядка”... Будем требовать всего в смысле “общедемократического натиска”: при успехе получим все, при неуспехе – часть” (ПСС, т. 47, с. 224-225).

В сентябре 1917 года В.И. Ленин указывал, что революция 1848 года “наиболее похожа на нашу теперешнюю” (ПСС, т. 34, с. 124). Тем самым он подчеркнул *еще один аспект двойственности* буржуазно-демократического революционного процесса, свойственного Франции и России. Вот как писал о нем Ф. Энгельс в 1891 и 1895 годах: “Благодаря экономическому и политическому развитию Франции с 1789 года в Париже за последние пятьдесят лет сложилось такое положение, что каждая вспыхивавшая в нем революция не могла не принимать пролетарского характера, а именно: оплатив победу своей кровью, пролетариат выступал после победы с собственными требованиями. Эти требования... в конце концов сводились к уничтожению классовой противоположности между капиталистами и рабочими, как оно должно произойти, - этого, правда, не знали” (К.Маркс, Ф.Энгельс. Собрание сочинений, 2-е издание, т. 22, с. 190). Речь, однако, шла при этом “об осуществлении самых доподлинных интересов огромного большинства”, которые “скоро должны были в ходе своего практического осуществления, вследствие убедительной очевидности, стать для него достаточно ясными.” (Соб. соч., т. 22, с. 535) И здесь, кстати сказать, Энгельс как бы предостерегал будущие поколения революционных марксистов от одной серьезной ошибки, которую совершили они с Марксом в те годы: “...к весне 1850 года развитие буржуазной республики, возникшей из “социальной” революции 1848 года, привело к тому, что действительное господство оказалось сосредоточенным в руках крупной буржуазии, настроенной вдобавок монархически, а все другие классы, крестьяне и мелкие буржуа, напротив, сгруппировались вокруг пролетариата, так что при совместной победе и после нее решающим фактором должны были оказаться не они, а умудренный опытом

пролетариат, - разве при этих условиях нельзя было вполне рассчитывать на то, что революция меньшинства превратится в революцию большинства?

История показала, что и мы и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, *что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства*; она доказала это той *экономической революцией*, которая с 1848 года охватила весь континент и впервые утвердила крупную промышленность во Франции, Австрии, Венгрии, Польше и недавно в России, а Германию превратила прямо-таки в первоклассную промышленную страну, - *и все это на капиталистической основе*, которая, таким образом, в 1848 году обладала *еще очень большой способностью к расширению*" (Там же).

После Октябрьского переворота, в апреле 1918 года, Ленин писал: "Если взять масштаб западноевропейских революций, мы стоим сейчас приблизительно на уровне достигнутого в 1793 году и в 1871 году. Мы имеем законное право гордиться, что поднялись на этот уровень и в одном отношении пошли, несомненно, несколько дальше, именно: декретировали и ввели по всей России высший *тип* государства, Советскую власть. Но удовлетвориться достигнутым ни в коем случае мы не можем, ибо мы только начали переход к социализму, но решающего в *этом* отношении *еще не осуществили*". (ПСС, т. 36, с. 175). Решающим же для марксиста является "переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования капиталистов к гораздо более сложной и трудной задаче создания таких условий, при которых не могла бы ни существовать, *ни возникать вновь буржуазия*" (там же). "Ясно, что это – задача неизмеримо более высокая и что *без разрешения ее социализма еще нет*", - подчеркивал вождь большевиков.

Следует отметить, что, по мнению большевиков, Парижская Коммуна носила, в свою очередь, не только пролетарский, *но и мелкобуржуазный*, отчасти даже националистический характер (см. седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП., Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). Апрель 1917 года. Протоколы. – М., Госполитиздат, 1958, с. 15; В.И. Ленин. ПСС, т. 7, стр. 270; т. 8, с. 486,487,490; т. 9, с. 329; т. 20, с. 218, 219; т. 26, с. 325)

Противоречиво оценивался и *социалистический потенциал* "первого в мире опыта диктатуры пролетариата". Так, в 1905 году будущий вождь октябрьской революции писал о Парижской Коммуне: "... в истории под этим именем известно такое рабочее правительство, которое не умело и не могло тогда различить элементов демократического и социалистического переворота, которое *смешивало задачи борьбы за республику с задачами борьбы за социализм...* и т.д. Одним словом... это было такое правительство, *каким наше быть не должно*". (ПСС, т. 11, с. 70); в 1913 году он отмечал: "Парижская Коммуна (1871) доканчивает это развитие *буржуазных* отношений; только героизму пролетариата обязана своим упрочением республика, т.е. та форма государственного устройства, в которой классовые отношения выступают в наиболее неприкрытой форме" (ПСС, т. 23, с.2). А в апреле 1917 г. он же разъяснял Каменеву, стоявшему на старобольшевистских позициях, что "Коммуна, к сожалению, слишком медлила с введением социализма" (ПСС, т. 31, с. 142).

Но в отношении *программных* целей В.И. Ленин был строг и последователен. В 1905 году он писал в своей заключительной части к статье А.В. Луначарского "Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры": "Эта справка учит нас, прежде всего, тому, что участие представителей социалистического пролетариата *вместе с мелкой буржуазией* в революционном правительстве вполне допустимо, а при известных обстоятельствах прямо обязательно. Эта справка показывает нам далее, что *реальной задачей*, которую пришлось выполнять коммуне, было прежде всего осуществление *демократической, а не социалистической диктатуры, проведение нашей "программы-минимум"*. Наконец, эта справка напоминает нам, что, извлекая уроки для себя из Парижской коммуны, мы должны подражать не ее ошибкам... а ее практически успешным шагам, намечающим верный путь. Не слово "коммуна" должны мы перенимать у великих борцов 1871 года, не слепо повторять каждый их лозунг, а отчетливо выделить программные и практические лозунги, отвечающие

положению дел в России и формулируемые в словах: *революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства*". (ПСС, т. 11, с. 132). В марте 1918 г. Ленин так развил эту мысль на VII Экстренном съезде РКП(б): "Мы должны теперь вместо старой программы писать новую программу Советской власти, *нисколько не отрекаясь от использования буржуазного парламентаризма*. Думать, что нас не откинут назад, - утопия.

Исторически отрицать нельзя, что Россия создала Советскую республику. Мы говорим, что при всяком откидывании назад, не отказываясь от использования буржуазного парламентаризма, - если классовые, враждебные силы загонят нас на эту старую позицию, - мы будем идти к тому, что опытом завоевано, - к Советской власти, к советскому типу государства, государства типа Парижской Коммуны. Это нужно выразить в программе. *Вместо программы-минимум мы введем программу Советской власти.*" (ПСС, т. 36, с. 53-54)

Несмотря на то, что советская власть объявлялась "высшим типом государства, прямым продолжением Парижской Коммуны" (см. В.И. Ленин, ПСС, т. 36, с. 110), большевики вынуждены были на практике отступить даже от принципов последней, например, согласиться на высокую оплату буржуазных специалистов и др. (см. там же, с. 179, с. 279).

Поэтому, что касается аналогий в революционном процессе Франции и России, более прав оказался Ф. Энгельс, писавший еще в 1885 году в письме Вере Засулич, что Россия "приближается к своему 1789 году". "В стране, где положение так напряжено, где в такой степени накопились революционные элементы, где экономическое положение огромной массы народа становится изо дня в день все более нестерпимым, где представлены все ступени социального развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовой верхушкой, и где все эти противоречия насильственно сдерживаются деспотизмом, не имеющим себе равного, деспотизмом, все более и более невыносимым для молодежи, воплощающей в себе разум и достоинство нации, - стоит в такой стране начаться 1789 году, как за ним не замедлит последовать 1793 год", - подчеркивал он (см. К.Маркс, Ф.Энгельс. Собрание соч., 2-е изд., т. 36, с. 260, 263).

И в самом деле, именно в событиях Великой Французской революции большевики чаще всего искали ответы на российские проблемы. Придя к власти, они заимствовали даже лексикон французских революционеров той поры, - к примеру, слова: "комиссар", "ревтрибунал", "враги народа", "продотряд"; пели ту же "Марсельезу"... все потому, что большевики понимали: Россия должна пройти чистилище радикальной буржуазно-демократической революции. Значит, им надо быть такими же решительными и смелыми, как в свое время якобинцы во Франции. И они, подобно якобинцам, самым радикальным образом расправились с абсолютизмом и феодальными пережитками.

Правда, русская революция пошла еще дальше – она полностью расправилась с дореволюционным буржуазным классом. Но это ведь вовсе не равнозначно уничтожению буржуазных отношений, проведению *антитоварной социалистической революции в экономике...*

Что же до социалистических чаяний большевиков, то в том же письме к Вере Засулич Энгельс предвидел и такую возможность: "Люди, хвалившиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, - что *сделанная* революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели". (К.Маркс, Ф.Энгельс. Соб. соч., т. 36, с. 263). Впрочем, сам В.И. Ленин так писал в 1906 году о борьбе за *социалистический* переворот в *отдельно взятой отсталой России*: "Эта борьба была бы почти безнадежна для одного российского пролетариата, и его поражение было бы так же неизбежно, как поражение ... французского пролетариата в 1871 году, если бы на помощь российскому пролетариату не пришел *европейский социалистический пролетариат*" (ПСС, т. 12, с. 157). Речь шла, разумеется, о "социалистическом перевороте в Европе" – "Европейские рабочие покажут нам, как это делается", и тогда мы вместе с ними делаем социалистический переворот" (там же).

ЧТО ТАКОЕ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ?

Октябрьский переворот В.И. Ленин неоднократно называл “рабочей и крестьянской революцией”, и тут он был, несомненно, прав. Однако великий Октябрь, как уже отмечалось, *не был социалистической революцией*, это был апогей *буржуазно-демократического натиска - революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства* с кратковременным переходом к “демократической диктатуре пролетариата”. В проведенных большевиками антифеодальных преобразованиях были заинтересованы не только рабочие, но прежде всего широкие крестьянские массы.

Сама Октябрьская революция, победа красных в гражданской войне, подавление многочисленных восстаний и мятежей были невозможны без поддержки революции простым народом - основной массой трудящихся. Каков же был классовый состав этих трудящихся? Из почти 140 миллионов россиян к моменту переворота около 110 миллионов составляло крестьянство. Примерно 65 % крестьян были бедняками, середняками – 20 %, кулаками – почти 15 % городская мелкая буржуазия составляла 8 % населения страны. Пролетариев же было около 15 миллионов – чуть больше 10 % населения, из них промышленных рабочих – только 3,5 миллиона (см. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., “Советская энциклопедия”, 1977, с. 276, 497). Поэтому неудивительно, что тон в революции задавали не столько пролетарские, сколько полупролетарские и мелкобуржуазные массы. Не спасла тут дела и руководящая роль пролетарской партии. Этому есть вполне марксистское объяснение: базис определяет “надстройку”, даже такую “надстройку”, как РКП(б). Вот что писал сам В.И. Ленин в апреле 1917 года: “Россия сейчас кипит. Миллионы и десятки миллионов, ... политически забытые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, *проснулись и потянулись* к политике. А кто такие эти миллионы и десятки миллионов? Большею частью мелкие хозяйчики, мелкие буржуа, люди, стоящие посередине между капиталистами и наемными рабочими. Россия наиболее мелкобуржуазная страна из всех европейских стран.

Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т.е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику.” (ПСС, т. 31, с. 156)

Движущей силой Октябрьской революции являлись рабочие и крестьяне. одетые в солдатские шинели, гегемоном при этом выступил пролетариат под руководством большевистской партии. “Новым большевикам” казалось, что этим актом началась собственно социалистическая революция в России. Однако дальнейшие события показали, что перерастания политической революции пролетариата за рамки буржуазно-демократического революционного процесса (т.е. революции в “узком смысле”) не произошло. Попытки устранения денег, ведения производства по-коммунистически, распределения продуктов волевым распоряжением власти - эти и другие мероприятия “военного коммунизма” сказались несостоятельными. Не вышло у большевиков и с продуктообменом между городом и деревней. Мелкобуржуазная стихия требовала рынка, закон стоимости требовал отношений купли-продажи.

Преодолеть эти требования можно было лишь вместе с самой мелкобуржуазной средой. А она-то и составляла основную массу вооруженного народа, революционной армии.

В очередной раз возвращаясь к В.И. Ленину, следует еще раз отметить, что у него было меньше всего иллюзий насчет характера Октября, чем у других “новых большевиков”. В конце 1920 года в РКП (б) разгорелась дискуссия о роли и задачах “резервуара государственной власти”, профсоюзов в Советской России. Мол, раз государство у нас рабочее, от кого профсоюзам защищать пролетариат? Не от родного же государства? На это вождь большевиков трезво возражал: “Товарищ Троцкий говорит о “рабочем государстве”. Позвольте, это абстракция.... Не совсем рабочее, в том-то и штука. Тут и заключается одна из основных ошибок товарища Троцкого... У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское – это во-первых. А из этого очень многое вытекает.

...Государство у нас рабочее”, - добавил Ленин, - “с бюрократическим извращением” (ПСС, т. 42, с. 207-208). Правда, выход из ситуации лидер большевиков искал в следующей диалектике: “Наше теперешнее государство таково, что *поголовно организованный* пролетариат защищать себя должен, а *мы* должны эти рабочие организации *использовать для защиты от своего государства и для защиты рабочими нашего государства*. И та и другая защита осуществляется через своеобразное сплетение наших государственных мер и нашего соглашения, “срачивания” с нашими профсоюзами...”, - “ в понятие “срачивания” входит то, что надо уметь использовать мероприятия государственной власти для защиты материальных и духовных интересов поголовно объединенного пролетариата от этой государственной власти”, - разъяснял он (там же, с. 209).

При переходе к НЭПу, однако, большевикам пришлось отказаться и от этой схемы, - прежде всего от принудительной записи всех рабочих поголовно в члены профсоюзов и от партийности профсоюзов, но, главное, от “всякого непосредственного вмешательства профсоюзов в управление предприятиями” (см. В.И. Ленин, ПСС, т. 44, с. 344-346). Вся полнота власти окончательно сосредоточивалась в руках заводоуправлений, составленных “по общему правилу на началах единоличия”, профсоюзам же отводилась роль участия в работе хоз- и государственных органов, “но не непосредственно, а через выдвинутых ими и утвержденных компартией и Соввластью членов высших госучреждений, членов хозколлегий, членов заводоуправлений (там, где допущена такая коллегиальность), администраторов, их помощников, и т.д.”, а также “выдвигание и подготовка администраторов из рабочих и трудящейся массы вообще”, “неуклонное повышение дисциплины труда и культурные формы борьбы за нее и повышение производительности” с помощью дисциплинарных судов и т.п. (см. там же, с. 347). При этом В.И. Ленин признавал, что “из всего вышеизложенного вытекает ряд противоречий между различными задачами профсоюзов”, но объяснял их как “противоречия в самом положении профсоюзов при *диктатуре пролетариата*”(!) и указывал, что они “не случайны и неустранимы в течение *ряда десятилетий*”. Поскольку же “указанные противоречия неизбежно будут порождать конфликты, несогласованность, трения и т.п.”, то “необходима высокая инстанция, достаточно авторитетная, чтобы разрешать их немедленно. Такой инстанцией является компартия и международное объединение компартий всех стран, Коминтерн” (там же, с. 350).

В течение последующих десятилетий Советской власти такое положение профсоюзов в стране, действительно, мало изменилось, - разве что после свертывания НЭПа столицы вновь вернулись к политике поголовного членства в них, а “ авторитетная инстанция” оказалась на деле авторитарной и обходилась без Коминтерна...

Хотя ко времени введения НЭПа В.И. Ленин уже внутренне осознал непролетарский характер Советской власти, его лозунгом, как мы уже знаем, было: толкать буржуазную революцию как можно дальше. Толкать, в надежде на скорую *социальную* революцию пролетариата в Европе (т.е. подлинно социалистическую). Она и компенсирует российскую отсталость, - считал Ленин.

Одновременно в знаменитом “Письме к съезду” (1922 г.) большевистский вождь предупреждал соратников: “Наша партия опирается на *два класса* и потому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения”. (ПСС, т. 45, с. 344) “Если не закрывать глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется *не ее составом*, а громадным, безраздельным авторитетом того *тончайшего слоя*, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и *авторитет* его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет зависеть уже не от него”, - писал он чуть ранее (см. там же, с. 20).

По всем этим причинам лидер большевиков отказывался публично признавать непролетарский характер возникшего в результате Октябрьской революции общества и даже грозил публичным выразителям таких взглядов расстрелом (см. ПСС, т. 45, с. 89-90). И это тот Ульянов-Ленин, который сам писал в 1905 году: “Полная революция есть захват

власти пролетариатом и бедным крестьянством. *А эти классы, находясь у власти, не могут не добиваться социалистической революции.* Следовательно, захват власти, будучи сначала шагом в *демократическом* перевороте, силой вещей, против воли (и сознания иногда) участников, перейдет в социалистический. *И тут крах неизбежен.* А раз неизбежен крах попыток социалистической революции, то мы (как Маркс в 1871 г., предвидевший неизбежный крах восстания в Париже) должны *советовать* пролетариату *не восставать*, выжидать, организовываться, отступить, чтобы лучше прыгнуть” (ПСС, т.9, с. 382).

Марксистские прогнозы Ленина-теоретика (в отличие от немарксистских чаяний его, как социал-якобинского политика и практика) полностью оправдались. ВКП(б) пережила ожесточенную внутрипартийную борьбу и уничтожение большей части старой гвардии, а СССР – крах попытки социалистической революции в одной, отдельно взятой капиталистически отсталой стране. Как показала история, завершение всего цикла буржуазно-демократических преобразований в России заняло примерно столько же времени, сколько во Франции. Там – 1789-1871 гг. у нас – 1905-1991. Причем сходство удивительное, до мелочей. Сам Ленин напоминал Робеспьера. Он, как и Робеспьер в свое время, неоднократно бил левых, - к примеру, на X съезде РКПб была запрещена “Рабочая оппозиция”, добивавшаяся выполнения одного из ключевых положений новой партийной программы о том, что “профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым целым” (см. В.И. Ленин, ПСС, т. 38, с. 435). На гильотину российский “Робеспьер” не попал, но известно, что в годы сталинских “чисток” старой гвардии его вдова Н.К. Крупская допускала, что Ленин мог бы оказаться в числе репрессированных. После смерти вождя революции власть в Советской России, как и во Франции в 1794, перешла к термидорианской “Директории” – более правым “нэповским коммунистам”, на службе у которых было немало прорыночно настроенных бывших меньшевиков. Poleмика, возникшая вокруг троцкистских оценок Великого Октября, свидетельствовала, что большинство “новых термидорианцев” по существу придерживалось “старобольшевистских” взглядов...

На смену НЭПу в конце 1920-х годов пришел российский советский бюрократизм во главе с И.В. Сталиным, который воплотил в себе многие черты Наполеона I и даже отчасти Наполеона III. Спецификой российского бонапартизма (что, надо сказать, до сих пор сбивает с толку очень многих) было то, что советский “Наполеон” подвел черту под развитием революции, введя в СССР *режим “государственного социализма”*, спроектированный еще в XIX в. сен-симонистами, Родбертусом и др., - модель общества, которую беспощадно критиковал Ф. Энгельс в последние годы своей жизни. Однако основные характеристики бонапартизма, описанные К. Марксом в работе “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта” (см. Соб. соч., т. 8, сс. 115-217) просматриваются и в его особом, советском, варианте. Здесь и культ личности, основанный на “традиционной народной вере”, и “огромная духовная революция” по его развенчанию (см. там же, т.16, с. 375). Здесь и “исполнительная власть с ее громадной бюрократической и военной организацией”, при которой “всякий *общий* интерес немедленно отрывался от общества, противопоставлялся ему как высший, *всеобщий* интерес, вырывался из сферы самодеятельности членов общества и делался предметом правительственной деятельности, - начиная с моста, школьного здания и коммунального имущества какой-нибудь сельской общины и кончая железными дорогами, национальным имуществом и государственными университетами”. Российская революция, как и Великая Французская, “должна была развить далее то, что было начато абсолютной монархией, - централизацию, но вместе с тем она расширила объем, атрибуты и число пособников правительственной власти” (там же, т.8, с. 207). Сталин, как и Наполеон, “завершил эту государственную машину” (см. там же), как и последний, он заложил основу новой судебной-правовой системы, ввел новое административно-территориальное деление и т.д. При Сталине состоялась индустриализация страны, подобно тому, как в XIX веке во Франции при Наполеоне III завершился промышленный переворот.

Вначале сталинское руководство, как и Бонапарты, опиралось на крестьянство, но, в отличие от последних, не на парцельных крестьян – мелких собственников (хотя в середине 1920-х сам И.В. Сталин еще колебался), а на малоимущее крестьянство с *сильными общинными пережитками*, которое и при НЭПе составляло большинство сельского

населения. Этим же объясняется и конечный успех коллективизации сельского хозяйства, которая позволила временно сохранить этому крестьянству его особое классовое состояние.

В связи с последним уместно вспомнить такое место из письма Ф. Энгельса К. Каутскому от 15 февраля 1884 г.: “Следовало бы кому-нибудь взять на себя труд разоблачить распространяющийся, как зараза, *государственный социализм*, воспользовавшись его образчиком на Яве, где он процветает на практике ... голландцы на основе древнего *общинного коммунизма* организовали производство на государственных началах и обеспечили людям вполне удобное, по своим понятиям, существование; результат: народ удерживают на ступени первобытной ограниченности, а в пользу голландской государственной казны поступает 70 млн. марок ежегодно... Случай в высшей степени интересный, и из него легко извлечь практические уроки. Между прочим, это доказательство того, что первобытный коммунизм на Яве, как и в Индии *и в России*, образует в настоящее время великолепную и самую широкую *основу для эксплуатации и деспотизма* (пока его не встряхнет стихия *современного коммунизма*). В условиях современного общества он оказывается... кричащим анахронизмом, который либо должен быть устранен, либо же получить дальнейшее развитие...” (К.Маркс, Ф.Энгельс, Соб. соч., т. 36, с. 96-97).

Конечно, в Советском Союзе был другой “случай” “государственного социализма”, - насаждавшийся не колонизаторами в отсталой стране с преобладанием первобытного натурального хозяйства, а ВКПб с целью быстрой и массовой пролетаризации крестьянства при его наименьшем сопротивлении. Вместе с тем практика советского “госсоца” подтвердила, что и преобразованная в колхозы общинность остается базой эксплуатации и деспотизма.

Коллективизация позволила большевикам провести также необходимую для индустриализации общества культурную революцию на селе. Но дальнейшее развитие *старой* русской общины в передовые сельхозкоммуны оказалось невозможным из-за, во-первых, ее полуразложившегося состояния и, во-вторых, отсутствия рядом бестоварного социализма (современного европейского посткапиталистического коммунизма); поэтому именно коллективизация способствовала постепенному, но окончательному исчезновению общины и перекачке свыше 30 млн. рабочих рук из села в город.

Сходство процессов буржуазной трансформации Франции и России продолжается вплоть до Ельцина. Борис Николаевич повторил почти все шаги Луи Бонапарта. Так же сначала был избран президентом, затем разогнал и расстрелял парламент, так же дал стране новую авторитарную конституцию, - и все это используя рецидив наполеоновско-сталинской идеи сильного и неограниченного правительства во главе с волевой личностью. При Ельцине, как и при Наполеоне III, власть тесно переплелась с уголовным миром... Борис Николаевич, в отличие от Луи Бонапарта, императором не стал, но политику он проводил проимперскую, причем с тем же результатом: если Наполеон III оконфузился в Мексике, то Ельцин – в Чечне.

Вполне подходит к августовской революции 1991 года в России и такая конечная характеристика, данная Марксом Французской революции 1848 года, ввиду прихода в результате к власти Луи Бонапарта: “Впрочем, всякий мало-мальски наблюдательный человек, даже и не следивший шаг за шагом за развитием событий во Франции, должен был предчувствовать, что этой революции предстоит неслыханный позор. Достаточно было послушать самодовольное победное твяканье господ демократов, поздравлявших друг друга с благодатными последствиями, ожидаемыми от второго воскресения мая 1852 года” (К.Маркс, Ф.Энгельс, Соб. соч., т. 8, с. 123).

Впрочем, у истории Франции и России хватает и существенных различий. Сталин проводил социал-имперскую политику в отношении некоторых малых народов и соседних государств, расширяя и укрепляя Советский Союз, но он не был разбит, как Наполеоны, а сам разбил нацистского агрессора в мировой войне. Во Франции после падения Наполеона I европейская реакция временно восстановила монархию, в России такого не случилось до сих пор; это лишний раз подчеркивает, что основное различие было, конечно, в уничтожении

радикальной российской революцией как всего дворянства в целом, так и старого буржуазного класса, во Франции же дело ограничилось только истреблением и изгнанием земельной аристократии.

Но главное состоит, разумеется, в том, что в XX веке в России произошло то, против чего в XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс *предостерегали* европейских революционеров: "...Во Франции пролетарии придут к власти не одни, а вместе с крестьянами и мелкими буржуа, и будут вынуждены проводить не свои, а их меры". (Соч., т. 8, с. 585), "... в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, - надо надеяться только в физическом смысле, - наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать *историческую* оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже. Трудно представить себе другую перспективу." (там же, т.28, сс. 490-491). Кстати сказать, В.И. Ленин очень не любил, когда ему приводили подобные высказывания классиков, презрительно называя их "петрушкиными цитатами"(см. ПСС, т.9, с. 409).

“ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ”

КАК ДОГОНЯЮЩИЙ КАПИТАЛИЗМ

В 1891 году под влиянием Ф. Энгельса немецкие социал-демократы включили в Эрфуртскую программу своей партии следующее положение: "Социал-демократическая партия не имеет *ничего* общего с так называемым государственным социализмом, *системой* огосударствления в фискальных целях, которая ставит государство на место частного предпринимателя и тем самым объединяет в одних руках силу экономической эксплуатации и политического угнетения рабочего." (см. К. Маркс, Ф. Энгельс, Собр. соч., т. 22, с. 623). Ни программа Российской Социал-демократической партии, общая для большевиков и меньшевиков, ни программа Российской Коммунистической партии (большевиков) подобного положения не содержали, и российские марксисты почти совсем не занимались данным вопросом (как и, увы, марксисты-ленинцы вплоть до наших дней). Между тем созданное усилиями российских большевиков и их эпигонов общество оказалось как раз практическим воплощением этой известной немарксистской модели псевдосоциализма, на деле же – государственно-капиталистического монополизма.

Советский Союз никогда не был ни социалистическим государством, как то утверждают сталинисты, ни переродившимся рабочим государством, как считает большинство троцкистов. В результате национализации в стране возникла государственная монополия на средства производства и обмена, что еще далеко не означает обобществление (социализацию) собственности. Как предвидел Карл Маркс, "такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее", для такого рода "коммунизма" "общность есть лишь общность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, *общиной* как *всеобщим капиталистом*. Обе стороны взаимоотношения подняты на ступень *представляемой* общности: *труд* – как предназначение каждого, а *капитал* – как признанная всеобщность и сила всего общества" (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 42, с. 114).

В СССР сохранялась классовая структура общества, в том числе промышленный рабочий класс, совхозный полупролетариат и постоянно сокращавшееся новообщинное колхозное крестьянство. Роль буржуазии при этом играл политически господствующий класс партийно-государственной бюрократии ("номенклатура"), выполнявший, говоря словами Энгельса,

“общественную должностную функцию *совокупного предпринимателя*” (см. там же, т.20, с. 184). Сохранялись товарообмен между государственными и колхозно-кооперативными секторами производства, розничная торговля и прочие атрибуты товарно-денежного хозяйства. Тогда как сам В.И. Ленин говорил: “Мы ставим себе целью равенство как уничтожение классов. Тогда надо уничтожить и классовую разницу между рабочими и крестьянами. Это именно и составляет нашу цель. Общество, в котором осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество” (см. ПСС, т. 38, с. 353) “Цель – создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать *всех* членов общества трудящимися, отнять *почву* у *всякой* эксплуатации человека человеком” (там же, с. 385). В результате НЭПа страна должна прийти к правильному социалистическому продуктообмену между промышленностью и земледелием”, - считал он (см. ПСС, т. 44, с. 8), только тогда “фундамент социалистической экономики можно считать *заложеным*” (там же, с. 502), причем “переход от денег к *безденежному* продуктообмену бесспорен. Чтобы этот переход был успешно завершен, надо чтобы был осуществлен *продуктообмен (не товарообмен)*”. (см. там же, т. 52, с. 22)

Цель государственного социализма, как отмечал Ф. Энгельс, - “превратить возможно большее число пролетариев в зависимых от государства чиновников и пенсионеров и организовать наряду с дисциплинированной армией солдат и чиновников такую же армию рабочих”. “Принудительные выборы под наблюдением назначенного государством начальства вместо фабричных надсмотрщиков – хорош социализм”, - возмущался он (К. Маркс, Ф. Энгельс Со. соч., т.35, с. 140).

Но именно это и было в СССР. Характер труда рабочих оставался наемным – администрация нанимала работников и обладала реальной властью на производстве, а не наоборот. Прибавочный продукт отчуждался государственным аппаратом и им же перераспределялся. Между тем еще Маркс предупреждал: “Никакая форма наемного труда, хотя одна из них может устранить недостатки другой, не в состоянии устранить недостатки самой системы наемного труда” (см. там же, т. 46, ч. 1, с.62) Капитал, по его убеждению, “*предполагает наемный труд, а наемный труд предполагает капитал. Они взаимно обуславливают друг друга; они взаимно порождают друг друга.*” (там же, т.6, с. 444). А раз создается капитал, то рано или поздно появятся те, кто захочет владеть этим капиталом “как положено” – на правах частной собственности.

Утвердившийся в ходе реализации модели “государственного социализма” монопольно-государственный способ производства, основанный на наемном труде в промышленности, сфере услуг и значительной части сельского хозяйства, – тот своеобразный государственный капитализм, которого, по словам В.И. Ленина, “никакой Маркс и никакие марксисты не могли предвидеть” (ПСС, т. 45, с. 117) – оказался на деле путем отсталой, полуазиатской, России в современный капитализм.

Партийно-хозяйственная “номенклатура” выполнила объективно прогрессивную задачу организации крупной промышленности и увязывания ее с колхозно-кооперативным сектором в едином народно-хозяйственном комплексе; таким образом были преодолены экономические уклады, доставшиеся многонациональной стране в наследство от феодализма и даже дофеодалных способов производства.

Однако созданная за годы “социалистического строительства” громадная система управления с ее всепроникающим бюрократическим планированием была эффективна только при двух главных обстоятельствах: при не очень значительных номенклатуре и ассортименте промышленной продукции и при значительных объемах дешевого, с полукрепостническими рецидивами труда колхозников и полурабского труда миллионов заключенных в исправительно-трудовых лагерях, что позволяло взамен армии безработных сдерживать рост стоимости рабочей силы и занижать ее реальную цену на монопольном рынке труда.

По мере исчезновения этих двух факторов административно-командная система с каждой новой пятилеткой все более пробуксовывала, а к середине 1980-х годов и вовсе стала, выход из создавшегося тупика партийно-государственная верхушка поначалу пыталась

найти в “перестройке”, т.е. переходе, по примеру Китая, к модели “рыночного социализма”, но тут же выяснилось, что большая часть “номенклатуры” не хочет поступаться при этом своими привилегиями и вообще привычным полупаразитическим образом жизни, что было бы неизбежно.

В развернувшейся борьбе “перестройщики” подняли тогда знамя “демократии и гласности” – разумеется, *буржуазной* демократии и *буржуазной* гласности, – попытались привлечь на свою сторону всех недовольных системой, в том числе наиболее эксплуатируемую часть рабочего класса, пробудив ее к политической деятельности. Роль проводника курса рыночных реформ при этом отводилась социально активной буржуазной интеллигенции, до того прилежно обслуживавшей нужды класса буржуазной бюрократии.

Именно в ходе перестроечной борьбы наиболее зрелая часть “номенклатуры” полностью осознала к началу 1990-х годов направление развития своего классово-эксплуататорского интереса и занялась – руками буржуазных либерал-демократов – приватизацией всего ранее созданного в СССР под ее руководством. Так завершилась в России эпоха буржуазно-демократической революции в широком смысле слова, начатая революцией 1905 года и закончившаяся августовской политической революцией 1991 г. На смену переходному государственному способу производства на основе наемного труда пришел стандартный рыночно-монополистический капитализм; закон стоимости одержал – вопреки чаяниям сталинистов – очередную убедительную победу в сфере *товарного* хозяйства, доказав *несостоятельность любых товарно-денежных “моделей” немарксистского социализма* – как государственных, так и рыночных.

ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ И НАШИ ЗАДАЧИ

Единый прежде эксплуататорский класс буржуазной бюрократии уступил место при этой смене способов производства в рамках системы товарного хозяйства – обычному спектру свойственных развитому капитализму буржуазных слоев и классов: финансовой олигархии, бюрократической буржуазии, торговой и промышленной буржуазии, одним из первых возник огромный слой городской мелкой буржуазии и т.д. Устойчиво идет процесс классового размежевания и на селе: быстро исчезает особый класс колхозного крестьянства, возникают классы новых сельхозрабочих, фермеров, крупных землевладельцев; узаконивание частной собственности на землю наряду с другими средствами сельхозпроизводства катализирует этот процесс.

Современная политическая система России, - при всей ее очевидной кризисности – очень выгодна для всей буржуазии в целом, ведь все без исключения крупные партии и общественные объединения – от крайне правых нацистов до якобы левых псевдокоммунистов – отражают в конечном счете экономические и политические интересы соперничающих группировок господствующего класса, т.е. государственного и частного капитала.

В 1990-е годы государственная власть в России находится в руках блока непроизводственных слоев буржуазии – высшей бюрократии и финансовой олигархии, которых поддерживает часть торговцев, занимающаяся экспортом сырья и импортом ширпотреба. Этот блок полностью контролирует сферу денежного обращения в стране, используя ее в чисто спекулятивных целях. Это идет вразрез с интересами промышленников и предпринимателей, которые вынуждены делиться с правящей элитой львиной долей прибылей, а сами в этих условиях перейти на бартер (натуральный товарообмен). Той части прибавочной стоимости, которая остается в распоряжении производственной буржуазии, едва хватает ей на поддержание воспроизводства и собственное ненасытное потребление, поэтому пролетариату – производителю прибавочной стоимости и источнику всей прибыли – не оставляют даже средств на зарплату. Так “патриотически настроенные отечественные товаропроизводители” – буржуа изобрели новый вид выколачивания абсолютной прибавочной стоимости помимо удлинения рабочего дня и интенсификации труда: необходимое рабочее время сводят к минимуму, а

прибавочное рабочее время доводят до максимума путем внедрения системы добровольного холопства эксплуатируемых рабочих.

Вся деятельность правящего компрадорского блока носит откровенно паразитический и антинациональный характер, поэтому противостоящие ему фракции буржуазии стараются сплотиться сами и повести за собой возможно большую часть неимущих и малоимущих слоев и классов (в ограблении которых они также принимали и принимают участие) под шовинистическими лозунгами. Этому и призваны способствовать различные комбинации государственно-патриотических коалиций, которые нацелены на формирование буржуазного блока “патриотов-профессионалов” из бывших номенклатурно-КПССовских политиков, региональных элит, чиновников среднего и низшего звена, промышленников и торговцев в сфере отечественного производства, представителей ущемленного мелкого и среднего бизнеса и т.п. При этом слабость подлинно коммунистических интернационалистских сил приводит к тому, что правые реакционеры все больше поглощают политическое пространство слева от центра. Так, их усилиями создаются уже не только “красно-белые” союзы типа КПРФ-НПСР, но даже “красно-коричневые”, как в печальном случае с нео-КПССовской “Трудовой Россией” и фашиствующей “Национал-большевистской партией”. Неудивительно, что общей идейной платформой таких объединений в конце концов оказываются державность, русский национализм и антисемитизм, защита “православной духовности” и тому подобное черносотенство, а никак не марксизм-ленинизм!

Оттеснив от власти компрадоров, “народно-патриотические силы” будут протекционистски пытаться создать эффективную рыночную экономику путем восстановления отечественной промышленности и значительного усиления регулирующей роли буржуазного государства.

Капиталистический характер такой экономики будет при этом, разумеется, маскироваться, как это ныне делается в Беларуси, а вконец обнищавших тружеников агитаторы с красными повязками будут под малиновый звон усиленно призывать к единению с предпринимателями “во имя возрождения Родины”. А для этого национальной буржуазии больше всего подходит жесткий политический режим в виде личной или, лучше, партийной диктатуры правого толка, и он вполне может возникнуть, причем в какой угодно упаковке: белой, красной, черной, коричневой, а скорее всего, смешанной. Понятно, что крайним вариантом здесь является нацизм.

По нашему мнению, задачами пролетариата и марксистской интеллигенции в сложившейся обстановке являются развертывание бескомпромиссной классовой борьбы со всеми фракциями буржуазии – от компрадоров до национал-патриотов и их политической обслугой любых партийных цветов; создание подлинно классовых рабочих профсоюзов и сплочение пролетарского авангарда в сильную, влиятельную марксистскую рабочую партию с целью свершения настоящей, интернациональной социалистической революции и упразднения таким образом всей системы товарно-денежного хозяйства, классово-эксплуататорской структуры общества и, как следствие, любых отношений социального господства и подчинения, института государства.

Вместе с тем, первым шагом на этом пути может явиться установленная в ходе коренного социального переворота безраздельная власть организованной крупным производством и марксистски просвещенной части пролетариата, то есть социалистическая диктатура пролетариата, только социалистический рабочий класс – производитель абсолютного большинства материальных ценностей в современную эпоху – имеет право на вооружение во избежание попыток контрреволюции и реставрации старых порядков со стороны кого бы то ни было.

Пока рабочий класс нуждается в такого рода государстве, власть в нем должна принадлежать ему безраздельно и непосредственно – таков один из основных уроков поражения ленинизма.

Вопрос, однако, в том, успеют ли сложиться все предпосылки для объективно назревшей теперь международной социалистической революции, прежде чем в нашей стране

набравший силу агрессивный великорусский имперский капитал установит руками лжецов и демагогов и РНЕ и сочувствующих им “красно-коричневых” патриотов – антисемитов бесчеловечную нацистскую диктатуру и тем самым ввергнет человечество в апокалипсис третьей мировой войны. Такое, к сожалению, тоже возможно.

* * *

Электронное издательство «Левый поворот»

* * *